

Дулат Бабатайулы и его роль в формировании поэтического сознания Абая

Поэт, подобно философу, художнику и учёному, подобно политику и пророку, питается – сознательно или бессознательно, – духовным опытом своего народа. Он «...имеет родину, т.е. национальную духовную культуру, в которой сложился его индивидуальный дух, с его любимыми и ведущими предметами, содержаниями, с его творческим актом, с его жизненными убеждениями; от этой-то духовной культуры питается – и положительно, и отрицательно – его личный опыт и его личное познавательное творчество.

Дулат — один из немногих поэтов, чьи стихи и поэмы вышли отдельным сборником в дореволюционном Казахстане, еще в далеком 1880 году. Его творчество нашло отражение в литературоведческих трудах казахских советских ученых, но уже с известной идеологической оговоркой, как представителя пессимистической, упаднической, декадентской и даже реакционной поэзии. Слава богу, сейчас он избавился от всех этих нелепых ярлыков, и его поэзия вновь засияла во всей яркости и блеске. Творчество Дулата Бабатайулы стало предметом исследования не только филологов, но и философов, педагогов и психологов.

Личный духовный опыт поэта в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом его родного народа; ему удаётся выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить его тем лучше и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа.» [1, 59 с.].

Какой же духовный опыт получает в наследство один и крупнейших поэтов казахской литературы – Абай? Какова роль предшествующей литературы в духовном и литературном становлении поэта? – вот тот круг вопросов, который мы пытаемся осветить в настоящей работе.

Известно, что одним из талантливейших акынов, сыгравших неоценимую роль в формировании поэтического почерка Абая, был широко популярный в народной среде певец [Дулат Бабатайулы](#). Однако, в изменённой редакции эпоса М.О. Ауэзова «Путь Абая» имя знаменитого поэта Дулата Бабатайулы было по политическим соображениям заменено на имя Барлас. Творчество Дулата Бабатайулы, равно как и малейшее упоминание о нём, было в советскую эпоху строжайше запрещено.

Родился Дулат Бабатайулы в 1802 году в нынешнем Аягузском районе Восточно-Казахстанской области в семье бедняка. Всё его образование ограничивалось учёбой у аульного муллы, однако, живя в краю, где поэтическое искусство ценилось как особый дар, впитав всё лучшее из наследия предшествовавших поэтов, из древних исторических преданий и эпических сказаний, Дулат стал одним из образованнейших людей своего времени. Рано вступив на путь искусства, Дулат вскоре занимает место в ряду самых известных поэтов Казахстана середины 19 века.

Дававший правдивую оценку казахской действительности рубежа 19-20 веков, являвшийся представителем реалистического искусства, Дулат Бабатайулы, однако, был на долгие десятилетия подвержен забвению. Поэт, который в своём творчестве пытался дать полное изображение жизни современников, в одном из своих стихотворений с горечью и болью писал:

*Что же делать, несчастный казах,
В мире, где всё к плохому идет:
Каждый – плут, хан коварен в делах,
А батыр себе выгоды ждёт.
Жёны лгут, бай корыстен, лукав,
И старейших джигиты не чтут...*

(Перевод Е.М. Винокуровой) [2, 183 с.].

Известно, что в работе М.О. Ауэзова «История казахской литературы», написанной в далёком 1927 году, упоминаются имена и подвергается анализу творчество поэтов не только современников автора, но и акынов предшествующих веков, таких как Шортанбай, Асан-кайгы, Бухар-жырау, Махамбет, Мурат, Ы. Алтынсарин, Нарманбет и другие. Однако среди длинного перечня известных поэтов и певцов-сказателей, акынов и мастеров ораторского искусства мы не находим имени Дулата Бабатайулы. Конечно же, это не случайная «забывчивость» автора работы, а вынужденный шаг, на который автор пошёл в период оголтелой социологизации.

В появившемся в 1942 году романе «Абай» Ауэзов впервые упомянул имя Дулата, который, как это подтверждали современники Абая, подарил ему собственноручно домбру и тем самым благословил талантливого юношу. Однако позже за Дулатом Бабатайулы закрепилось мнение как о реакционном поэте. Так, в одной из статей казахстанской периодики 1950-ых годов о Дулате Бабатайулы писали: «Учителем и вдохновителем Абая выводится реакционный поэт Дулат, которого, как известно, осуждал сам Абай. В замаскированной форме автор пытался изобразить в качестве положительных героев, якобы оказавших влияние на Абая, презренных предателей казахского народа, впоследствии ставшими матерьями буржуазными националистами» [3, 3 с.].

Автор вновь, как видим, оказался в затруднительном положении. И в последующих публикациях М. Ауэзов уже был вынужден заменить имя Дулата Бабатайулы на вымышленное имя Барлас. Принадлежащие Дулату строки стихотворений в тексте романа вложены в уста Барласа в несколько изменённой форме:

*Слух свой направь на мои стихи,
Мысли свои направь на мои стихи...*

Такое «вольное» обхождение со строками поэта – также вынужденный шаг автора, который с целью избегания возможных ассоциаций учителя с именем Дулата пытался хоть как-то спасти творчество поэта от полного забвения.

В январе 1947 года, как известно, вышло знаменитое постановление ЦК КП Казахстана, осуждающее грубые политические ошибки в работе Института языка и литературы АН КазССР. Говорилось в нём, между прочим, следующее: «В рукописи первого тома “Истории казахской литературы” (под общей редакцией М. Ауэзова) крупные бай-феодалы, бии-душители народных масс – Кенгербай, Караменус, Шорман и им подобные прославляются как народные мудрецы и защитники народа. Не получила также должного принципиального освещения антисоветская в прошлом литературная деятельность М. Ауэзова – одного из крупных казахстанских писателей, проповедовавших буржуазно-националистическую идеологию...» [4, 3 с.].

В таких обстоятельствах М. Ауэзов предпринимает мучительный для себя шаг – публикует в газете «Правда» (за 1951 г.) статью «Исследование исторических проблем Казахстана с марксистско-ленинских позиций», в которой публично признает свои «ошибки».

Так, влиявший на становление Абая Дулат Бабатайулы перешёл в разряд «неблагонадёжных», «реакционных» художников, и его имя с этих пор стало замалчиваться, хотя в романе его облик вызывает у читателя, как и у Абая, глубокую

симпатию: «...Как-то издалека приехали два гостя: старик и юноша. Молодого Абай знал раньше. Это был акын Байкокше. Второго, старика, Абай раньше не видел, но Улжан его знала хорошо. Мать с улыбкой обратилась к Абаю:

– Вот, сынок, перед тобой сокровищница рассказов и песен... Это акын Барлас.

У Барласа узкая серебристая борода, почтенная внешность и звонкий голос. Он сразу понравился Абаю. У Барласа открытая душа: откровенный, разговорчивый, он сразу повёл себя так, как будто целый век прожил в этом ауле и был здесь своим человеком.

– Э, сынок, недаром говорится:

*Песня акына – потоки вод неземных,
Слушатель – мел, жадно вбирающий их!.. –*

сказал он, с мягкой улыбкой посмотрев на Абая. – Уважения достоин тот народ, который умеет говорить и слушать... Вечерами Барлас пел песню “Кобланды – батыр”. Она показалась Абаю самой красивой, самой увлекательной и сильной из всех когда-либо читанных или слышанных им... Особенно понравились Абаю прощание Кобланды, скачка Тайбурыла и единоборство Казана и Кобланды. Раньше он думал, что всё разумное и поучительное – только в книгах, что знание и искусство живут в медресе. Разве могло что-нибудь сравниться со сказаниями Низами, Навои и Физули, с тонкой лирикой Шайх-Саади, Хожи-Гафиза, с героическим эпосом Фирдоуси? Он не знал ещё, что у казахов есть Асан-Кайгы, Бухар-жырау, Марабай, Саадак и целая сокровищница – “Козы-Корпеш” и “Акбала-Баздык”...» [4, 66 с.].

Именно из уст Дулата – Барласа Абай впервые знакомится с поэтическими творениями акынов Шоше, Сыбанбая, Балта, Алпыса и других. В неисчерпаемом потоке сказаний, услышанных им от акына, Абай особенно полюбил те, которые говорили о думах и чаяниях народа...

*Тайна дум моих глубока,
Как туман, что вдали встаёт,
Грудь мою съедает тоска...
Вкруг – простор серебряных вод...
Забурлила, плещет река,
Это песни Барлас поёт. –*

Песни акына обличали и судили преступные дела и пороки правителей. В одной из песен Барласа были такие слова:

*И владыкам алчным укор
У народа не сходит с губ.
Ты – правитель, хищник и вор, –
Словно ворон, летишь на труп... [4, 67 с.]*

Абай, как пишет М. Ауэзов, был рад, что отец находился подолгу в отъезде, и молил бога, чтобы тот не возвращался как можно дольше. К счастью, за всё время пребывания Барласа Кунанбай ни разу не заглянул к ним. Когда Кунанбай бывал дома, акынам и певцам не приходилось останавливаться надолго, а тем более выступать так свободно.

Старый акын оценил восприимчивость мальчика и «...однажды, оставшись с ним вдвоём, сказал ему:

*Ты растёшь, Абай – ширагым,
Кем ты будешь, ставши большим?*

(ширагым – ласкательное слово: светик, солнце моё)

И отдал Абаю свою домбру.

– Вот, сынок. Это – тебе моё благословение. Говорю от всего сердца!

Абай ничего не мог сказать от смущения...» [5, с. 67-69].

Вернемся же, однако, к М. Ауэзову. Бесстрастная библиографическая справка свидетельствует: первые главы третьей книги «Абая» публикуются на языке оригинала в апреле-мае 1949-го года в журнале «Литература и искусство». В начале следующего появляется книга под названием «Акын-ага». Сам автор не считает новый роман прямым продолжением прежнего. «Сейчас, – поясняет он в одном газетном интервью, – я пишу последнюю книгу романа о жизни Абая. Я её не называю третьей книгой. Первая и вторая книги исчерпали свою тему – формирование личности и становление поэтического творчества бая. Теперь же я рассчитываю показать Абая – мыслителя, Абая – главу поэтической школы, избравшего себе друзей в новом поколении, восприимчивого к русской культуре» [6, 375 с.].

Год спустя, в летних номерах, московский журнал «Знамя» печатает русскоязычную версию с уведомлением: главы нового романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая» выходят в Алма-Ате одновременно на русском и казахском языках.

По меткому замечанию Н.А. Анастасьева, автора вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книги «Мухтар Ауэзов. Трагедия триумфатора», эта «...статистическая гладкость лукава. Смущает даже невинное на первый взгляд интервью. Отчего бы это Ауэзову вздумалось проводить столь чёткую межу между первыми двумя книгами и продолжением, которое он, выходит, продолжением считать не хочет, демонстративно не желает. Но ведь нет никакой границы, любой даже самый поверхностный читатель это подтвердит. Отчего далее с таким нажимом говорит он о “друзьях в новом поколении”? И отчего только к русской литературе восприимчив теперь Абай, Восток он позади, что ли, оставил?» [6, 375 с.].

Известно, что за постановлением 1947 года последовали ещё четыре, осуждающие в той или иной форме «националистический уклон» писателя, что, в конце концов, привело автора к написанию статьи «Мои ошибки», в которой М.О. Ауэзов был вынужден отказаться как от отдельных страниц романа, так и от отдельных персонажей. Так, «выворачивавший историю наизнанку реакционный поэт Дулат» не мог быть не только назван Учителем Абая, но и быть вообще воссозданным в романе. Автор счёл необходимым изъять из текста романа и стихи, которые принадлежали Дулату, или приписывались ему. Вместо Дулата автор ввёл вымышленный образ Барласа, в чьи уста он вложил стихи собственного сочинения.

Такому отношению М. Ауэзова к творческому наследию Дулата в определённом отношении могли, на наш взгляд, способствовать стихи самого Абая, в которых поэт резко критикует Бухар-жырау, Шортанбая, Дулата, называя их творчество «лоскутной поэзией»:

*Шортанбай, Бухар-жырау и Дулат...
Песни их – обноски из сплошных заплат.
О, когда б нашёлся хоть один знаток, –
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!..*

(Перевод В. Звягинцева) [7, 89 с.]

Имея в виду, конечно, не качество и поэтическое мастерство названных поэтов, а приверженность старине.

В одной из своих работ, посвящённых творчеству Абая, М. Ауэзов верно определяет три составляющих художественного наследия великого казахского поэта: первая, самая большая – произведения устного народного творчества; вторая – наследие классической восточной литературы и, наконец, третья – лучшие образцы русской и западной литературы, позволившие сполна раскрыться его поэтическому дарованию. [8, 259 с.].

Сам исследователь, как известно, по идеологическим причинам не мог достаточно полно осветить вопрос о влиянии родной литературы на поэта, ведь традиционно считалось, что именно сам Абай – основоположник казахской литературы. Роль же

предшествующей литературы умаялась. В советское время о воздействии восточной литературы на поэтическое сознание Абая говорилось вообще крайне мало. Поэтому и оказываются справедливыми слова С. Муканова: «...без казахского устного народного творчества, без Бухара-жырау, Махамбета, Шортанбая не было бы и самого Абая. Неиссякаемым родником был не Абай, а народ, породивший его...» [9, с. 153-154]. В связи с вышесказанным появляется необходимость исследования проблемы литературного окружения поэта, которая, кстати, является не менее актуальной и в русском и зарубежном литературоведении. Настало время и для казахской литературной науки начать изучать вопрос о влиянии мастеров слова на формирование поэтического стиля Абая.

Литература

1. Ильин И.А. Философия и жизнь // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев – М., 1990. – 528 с.
 2. Поэты Казахстана / Вступ. статья, сост., биограф. справки и примеч. М.М. Магауина. – Л., 1978. – 608 с.
 3. По поводу романа М. Ауэзова «Абай» // Казахстанская правда. – 1953. – 2 июня.
 4. Постановление ЦК КП Казахстана «О работе Института языка и литературы АН КазССР» // Казахстанская правда. – 1947. – 21 января.
 5. Ауэзов М.О. Путь Абая. В 2-х тт. – Т.1. – Алматы: Жазушы, 1977. – 608 с.
 6. Цит. по: Анастасьев Н.А. Мухтар Ауэзов. Трагедия триумфатора. – М.: Молодая гвардия, 2006. («Жизнь замечательных людей»; Сер. биогр.; Вып. 1006). – 449 с.
 7. Кунанбаев А. Собрание сочинений в одном томе. Стихотворения, поэмы, проза. – Москва: ГИХЛ., 1954. – 402 с.
 8. Ауэзов М.О. Абай Кунанбаев: Статьи и исследования. – Алма-Ата, 1967. – 324 с.
- Муканов С. Яркая звезда. – Алматы: Санат, 1995. – 272 с.